

ВАЛЕНТИНА НАЗАРОВА
**КОГДА ТЕБЯ
НЕТ**

ВАЛЕНТИНА НАЗАРОВА

КОГДА ТЕБЯ
НЕТ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н19

Назарова, Валентина Вадимовна.

Н19 Когда тебя нет / Валентина Назарова. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-093394-5

Страх. Надежда. Любовь. Гнев. Азарт. Безумие. Этот триллер перенесет вас туда, где слышны запахи и звуки европейского квартала, где ощущается холодный морской ветер и обжигающее тепло абсента...

Валентина Назарова – кто она?

- Автор, создающий между читателем и персонажем особую связь, основанную на чувственных образах.
- Фанатка рока, перенесшая свою страсть на страницы книг – музыка звучит отовсюду.
- Специалист IT, вскрывающая изнанку социальных медиа, IT-технологий и интернет-стартапов.
- Лауреат премии «Рукопись года – 2016» и номинант российской национальной премии «Национальный бестселлер – 2016».
- Один из немногих российских авторов, популярных в Европе – ее книги переведены на 8 иностранных языков.

Лондон. Снова идет снег. Как и четыре года назад, когда страшная трагедия забрала все, ради чего жил Серж. Кислый кофе, еда из забегаловки, ненавистная работа, пустой дом – бесконечная жвачка, давно лишенная формы и вкуса, жалкие попытки поддерживать иллюзию жизни. Компьютерная игра и голос человека, скрывающегося под ником «Трон», – голос единственного друга, последняя возможность не раствориться в пустоте. Но однажды бесследно исчезает и он. Странно.

Идя по виртуальному следу, Серж приезжает на продуваемый всеми ветрами северный берег Франции. Холодный атлантический ветер. Мрачный двухэтажный дом. Скрипучие лестницы и мрак захлавленной комнаты. И Трон. Мертвый.

А дальше... Попытка найти правду, азарт преследования, гнетущая тревога и постоянное напряжение, любовь, доведенная до отчаяния, и шокирующий непредсказуемый финал.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Назарова В.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093394-5

Пролог

Жизнь за секунду до взрыва накрепко впечатывается в память: какая песня играла по радио («Bruise Pristine»), что было на завтрак (хотдоги с горчицей и кисловатый фильтрованный кофе с заправки на трассе), погода (мокрый снег вперемешку с дождем), во что я был одет (куртка, та же, что и сегодня, черные джинсы, белые кеды, неудобные суперстары, она выбрала их для меня). Я могу назвать еще тысячу деталей, сделать картинку у себя в голове невыносимо живой и яркой, до невыносимого яркой. Но обычно, когда я вспоминаю тот день, я ограничиваюсь только этими вещами.

Наверное, стоит уточнить, я использую слово «взрыв» в метафорическом смысле. Это просто точка, рычаг, с помощью которого переворачивается земля. Жгучее ощущение под ребрами и тяжесть в висках, будто случившееся никак не может уместиться в мозгу и он распухает до невероятных размеров и вот-вот потечет из ушей и носа. Мерзко, но именно так я ощущал все это в своей голове в ту ночь, сидя на снегу и глядя на отсветы синих и красных мигалок на верхушках заснеженных елей. Точнее описать у меня не получится, я плохой рассказчик, когда речь заходит о переживаниях и об эмоциях. Предпочитаю говорить о чем угодно, кроме того, что творится в моей голове. О погоде, например, или о том, что вчера ночью шло по телевизору.

После Иды Линн мир навсегда перестал быть прежним. Первым из множества вещей, которые ушли вместе с ней, стал сон. Я всегда принимал его как данность — я кладу голову на подушку, закрываю глаза и отключаюсь, совсем как в шестнадцать лет, когда мне удаляли мениск: ты просто начинаешь считать от десяти в обратном порядке, доходишь до восьми и проваливаешься в темную глухую невесомость. Я не подозревал, что может быть по-другому. Я вообще о многом тогда не подозревал.

Граница между бодрствованием и отключкой стала походить на долгую очередь в кассу, где ты стоишь позади семейной пары с тележкой, доверху набитой покупками на неделю, а у тебя в руках только тюбик зубной пасты. Раздражающее несправедливое ожидание. Но это еще не все. То, что приходит далее, тоже не слишком утешает. Раньше мне не снились сны, никогда.

Сны были территорией Иды Линн, она любила записывать их, а потом расшифровывать по засаленной книжке, одной из немногих вещей ее матери, которые уцелели в огне. Она говорила, что все не случайно, ни сны, ни то, что именно эту книгу пламя решило выплюнуть и пощадить. Теперь, по дурацкой иронии, ей они больше не снятся, а вот ко мне приходят каждую ночь. Я никогда не помню их подробно, только отдельные кадры и вспышки, но, когда я просыпаюсь по утрам, моя голова тяжела и захлавлена, как после трехчасовой беседы со скучным попугачиком в переполненном поезде. Я знаю, этот попугачик — я сам, но от этого не становится легче, только досаднее. Жаль, что нельзя сделать дефрагментацию собственного мозга, разложить все по тематическим разделам, так чтобы взмах чьих-то волос в свете ночных фонарей или

вкус крови во рту от нечаянно прикушенной губы не украшал систему.

Я не раз пытался анализировать эту мою проблему и пришел к выводу, что причина бессонницы банальна. Она совсем не в том, что теперь я сплю один, и не в том, что я перенес черепно-мозговую травму. Дело в вопросе, неотвеченном вопросе, который снова и снова, как бесконечно всплывающее окно, не дает мне производить другие операции. Я нажимаю на крестик в уголке, но оно всегда возвращается, вновь и вновь запрашивая у меня пароль, которого я не знаю.

Чтобы уснуть, мне приходится посадить свою батарею настолько, чтобы не осталось сил думать, или обмануть свой мозг, отвлечь его на что-то другое, что-то постороннее и очень конкретное. Даже у айфонов были такие хаки. Можно обойти пароль, если вызвать из меню другую функцию. Так же делаю и я, просто прибегаю к отвлекающим маневрам. Что угодно, лишь бы не эта очередь в кассу, это липкое потливое чистилище между бодрствованием и сном. Так я и начал играть в игры, сначала на телефоне, а потом онлайн. Ночи напролет. Однако бывают дни, когда мне не помогают даже они, и тогда я прибегаю к одному очень старому способу, о котором рассказала мне некогда мучимая бессонницей Ида Линн. Я начинаю рассказывать себе историю. Это самая скучная история на свете. История моей жизни. Каждый раз, каждый день, это как длинное письмо самому себе или сообщение на автоответчике, на номере, где никто никогда не поднимет трубку. Работает в тысячу раз лучше, чем овечки, прыгающие через забор, или ночной выпуск новостей, повествующий о пожарах и о суицидах спившихся рок-звезд.

Лондон, 2 февраля

Водитель автобуса нажимает на гудок. Звук протяжный и долгий, будто у ледокола где-то глубоко в Арктике. С высоты второго этажа мне отлично видно, как пробка уходит куда-то за угол. Вереница горящих стоп-сигналов наполняет морозную дымку холодным алым сиянием. Мы стоим уже минут десять, кажется, я даже успел задремать и теперь чувствую на нёбе кислватый привкус сна и пустого желудка. Красные огни впереди расплываются перед глазами, накладываясь на отражение моего собственного лица в лобовом стекле, которое медленно плывет в воздухе, будто бы напоминая о чем-то давно забытом, каком-то кадре из фильма или фрагменте старого сна. Впрочем, я рад любому сну, даже такому, который оставляет обезвоженным и тупым посреди наполненного незнакомцами автобуса.

— Вот так вот и проходит жизнь... сидишь и ждешь чего-то как дурак, — ворчит на ухо своей подруге сидящий позади пассажир. — И зачем я только тебя послушал, надо было пешком идти, уже б дома были.

Пожалуй, он прав. Не стоило ехать на автобусе, мне идти-то тут всего двадцать минут. Это все холод, он заставил меня вскочить в закрывающиеся двери номера 29. Как у большинства жителей этого города, у меня нет одежды на такую погоду. Зимой

я просто хожу быстрее, пью больше кофе, ношу больше толстовок, иногда, в самом крайнем случае, пристегиваю свой велосипед к столбу на маленькой площади возле офиса и прибегаю к помощи общественного транспорта.

Февраль — это просто долгая ночь, которую надо пережить. Сегодня должен пойти снег, я подслушал разговор двух женщин из отдела кадров у кофемашины. Утром, возле лифтов, я видел экран телевизора. Город на карте, окруженный воронкой циклона, и руки ведущей, так точно предсказывающие направление стрелок. На секунду я даже остановился и, как замороженный, следил за ее белыми ладонями, когда она, словно Лора Палмер¹ на фоне зеленого экрана, указывала нам, откуда ждать бурю. Интересно, что первично, картинка или ее руки? Они рисуют Лондон там, куда покажет ее палец, или это она должна точно знать его координаты в пустоте? Извечный конфликт случайности и системности.

Сегодня я полдня провел в коридоре возле окна, ожидая обещанный снегопад, но он так и не начался. Другой на моем месте придумал бы какую-то чушь про нашу годовщину с Идой Линн и скрытый символизм этого внезапного циклона, но мой мозг устроен иначе. Это просто снег. Тем более что его нет.

Мои часы показывают шесть сорок шесть вечера. Скинув ноги с подоконника, я слезаю с замызанного плюшевого сиденья, спускаюсь вниз по узкой лестнице даблдэкера и становлюсь у дверей. Вдалеке воет сирена, все ближе и ближе, на верхуш-

¹ Лора Палмер — персонаж телесериала «Твин Пикс».

ках домов мелькают искристые отсветы, голубые и красные. Через пару минут автобус трогается, рывком сдвинувшись вперед на пару корпусов машин. Кто-то нажимает на кнопку стоп. Едва дотянув до козырька остановки, водитель распахивает двери. Вдохнув влажный вечерний город, я ступаю на тротуар.

Сейчас около нуля, погода все никак не может решиться ни на мороз, ни на окончательную оттепель. Влажность, думаю, близится к ста процентам, я знаю это потому, что у меня во рту вкус речной воды. Застегнувшись и втянув голову в плечи, я шагаю вперед навстречу черной бесснежной ночи.

Повернув за угол, я чуть не сталкиваюсь с крошечной женщиной-тайкой в светло-коричневой униформе массажного салона. Меня с головой обдает запахом кокосового масла и курительных палочек. Она стоит ко мне спиной, держа в вытянутой руке огромный планшет в розовом чехле из фальшивой кожи. Глянув туда, куда смотрит ее камера, я вижу черные клубы дыма и оранжевые всполохи, вырывающиеся из разбитой витрины парикмахерской. Тут я замечаю, что и без того узенькую улицу наглухо перегородила машина пожарной бригады. Всполохи мигалки отражаются от низких облаков.

Теперь понятно, откуда пробка. Бесчувственный к двум струям воды, бьющим прямо в черную пасть разбитой витрины, огонь лезет и лезет вверх, уже заглядывая в окна второго этажа. С визгом возле угла тормозит еще одна бригада, пожарные тщетно пытаются пробиться внутрь. В ноздрах у меня начинает колоть от гари, глаза наполняются слезами, но я не могу отвести взгляд. Толпа вокруг растет и галдит, я смотрю на объятый пламенем дом,

транслирующийся на десятке экранов телефонов, направленных камерами прямо в огонь.

— Там внутри кто-то остался? — дотронувшись пальцами до моего рукава, спрашивает розовощекая беременная женщина в оранжевой униформе работника супермаркета.

— Понятия не имею! — зачем-то огрызаюсь на нее я.

Я зажмуриваюсь и зажимаю руками уши, но даже так мне не заглушить этот упрямый вибрирующий звук — гул открытого пламени. Оттолкнув успевших собраться у меня за спиной зевак, я спешу прочь, к Камден Хай-стрит.

Сегодня четверг, но в Камдене всегда пятница. Пожалуй, кроме понедельника. Когда мы с Идой Линн только переехали сюда, восемь лет назад, чувство праздника здесь было куда сильнее. Тут было больше злости, больше молодости, больше кайфа, будто мы жили в клипе «Sex Pistols»¹. На Парквей было негде пожрать, когда после концерта вываливаешься из Даблин Кастл в полпервого ночи. На рынке в Камден Лок было столько неформалов, что люди в обычной одежде бросались в глаза хуже любого фрика.

Бурлеск-дивы приходили сюда примерять красные лаковые корсеты, готы — плащи графа Дракулы, инди-девочки в стесненных обстоятельствах — поддельные футболки «Оазис» и «Блер»², где у Демьена Алборна и братьев Гэллахер на принте был румянец, как у тифозных больных. У входа в метро толпились панки, они настойчиво клянчили

¹ «Sex Pistols» — английская музыкальная группа.

² «Oasis» и «Blur» — музыкальные группы.

у прохожих мелочь, упивались дешевой водкой из супермаркета и блевали прямо под ноги. Тогда это место пугало обывателей.

Сейчас здесь совсем по-другому, спокойнее, бесцветнее, буржуазнее. На смену неформалам пришли богатые хипстеры, которые смыли с улиц развеселую пьяную контркультуру тройным раствором баснословно дорогого карамельного макиато. Неизменными остались только музыкальные вечера в пабах да парочка халяльных закусочных.

Я открываю дверь, над моей головой брякает охрипший колокольчик. Амир из «Роял Кебаба» уже ждет меня.

— Привет, Серж. Опаздываешь, — добродушно усмехается он, показываясь из подсобки.

— Пробки.

Он кивает в сторону завернутого в коричневую бумагу свертка — кебаб с двойным чили и картошкой фри — мой ужин по четвергам. Я кладу на прилавок деньги, ровно семь пятьдесят, без сдачи.

— Приятного вечера, Серж.

— И тебе, Амир.

Стараясь не заглядывать внутрь, я скольжу вдоль вереницы блистающих теплыми огнями витрин пабов, потом сворачиваю в узкую боковую улочку. Мой дом — угловой, ступеньки прямо с улицы. Он похож на зарисовки в блокноте прогрессивного художника двадцатых годов прошлого века — именно так они представляли себе будущее. Выпуклые окна-иллюминаторы, болтающиеся туда-сюда на скрипучих петлях распашные двери, узенькие отвесные винтовые лестницы, по которым, по плану архитектора, будут беспечно скакать через ступеньку вечно молодые люди будущего. Но все сложилось немного иначе.

Сейчас это дом социального жилья, по большей части. Здесь селят людей с душевными болезнями. Разумеется, только тех, которые не опасны для себя и общества. Не идеально, но хозяин квартиры, один из загоревших дочерна людей из поколения дауншифтеров, спешил порвать все связи со старым миром и вернуться в Азию, поэтому готов был скинуть сотню с ежемесячной ренты, если только мы сами возьмемся починить трубы в ванной. Прошло восемь лет, трубы все еще там, как и я. Все остальное изменилось безвозвратно.

Поначалу место пугало Иду Линн – неприветливые новые соседи, отворачивающие лицо к стене в ответ на ее приветствия и бормочущие сами с собой, без конца орущий в квартире над нами кот, неистребимый запах плесени, усиливающийся от затяжных осенних дождей, шорохи и сквозняки старого здания, где давно не было капитального ремонта, валящий из решетки вытяжки липкий кухонный пар. Но это было только поначалу, потом она привыкла.

Со временем она полюбила наш новый дом, развесила по стенам постеры из галереи «Саатчи», заставила меня смазать петли в двери на этаже, посадила в горшок проросшую косточку от авокадо.

Гулкий коридор, предпоследняя дверь слева, наклейка номер «девять», окна во внутренний двор. Он крошечный и почти всегда пустой. У меня есть ключ, но я никогда там не бываю, разве что кроме того случая, когда Ида Линн уронила туда свой горшок с цветком, и мы ходили собирать с земли осколки. В тот вечер она придумала смотреть в окна домов напротив, сидя на подоконнике с выключенным светом, когда дожидалась меня с работы.

Люди всегда вешают шторы со стороны улицы, но почти никогда — со стороны двора, не боясь глаз, которые могут наблюдать из глубин обманчивой пустоты. Иногда я до сих пор наблюдаю за ними, соседи напротив движутся в своих комнатах, курят, облокотившись локтями о подоконник, едят арахисовое масло пальцем прямо из банки, смотрят всякое дерьмо по телевизору, плачут, целуются. Живут.

Я отпираю дверь, в очередной раз вспоминая о том, что хочу поменять замок. Этот совсем расшатался, его можно открыть, просто подковырнув язычок чем-то вроде проездного билета. Я захожу внутрь, поворачиваю защелку, разуваясь, щелкаю выключателем. Скидываю рюкзак, вешаю на крючок куртку и толстовку. Потом иду в ванную, пуговица за пуговицей расстегиваю светло-голубую рубашку из «GAP», комкаю ее и кладу в стиральную машину. За ней следует белая футболка и носки. Стараясь не глядеть на себя в зеркало, я стаскиваю с волос резинку и позволяю им упасть на плечи. Это лучший момент моего дня — физическое ощущение спадающего напряжения.

Я убираю джинсы в шкаф в спальне, надеваю треники и выцветшую футболку «Children of Bodem», купленную на концерте, куда мы с Идой Линн, тайком от взрослых, пробрались, когда еще учились в школе, перепрыгнув через высокий забор и приземлившись на задницы в мокрую траву. Быстро направляюсь с кебабом и, прихватив из холодильника запотевшую баночку кока-колы, устраиваюсь за обеденным столом, за которым уже четыре года никто не обедает. Я залогиниваюсь и надеваю наушники. В них почти сразу же слышится знакомый хриплый голос.

— Привет, Андерсон! Я уж думал, ты не придешь! — обращается ко мне он, используя мой игровой ник. Настоящие имена друг друга мы не знаем.

— Извини, адское движение, еле прорвался домой. Привет!

— Да ничего, я прекрасно помню, что это такое, ходить в офис каждый день. Сочувствую тебе, мужик.

TroпGuy_18072 был моим партнером уже два с половиной года, но общаться голосом один на один мы стали всего одиннадцать месяцев назад, через «Дискорд»¹. Это до сих пор вызывает у меня чувство неловкости и вторжения в личное пространство. Я очень долго привыкаю к новым вещам, а уж к людям — и того дольше. А еще я из тех, кто никогда не звонит, только пишет. Но с Троном это было необходимое зло. Общение действительно ключ, по крайней мере в нашем случае. Наша статистика пошла в гору, вскоре мы стали топовыми игроками, несмотря на то что сейчас я стараюсь выходить онлайн не чаще четырех раз в неделю.

— Трон, прикрой меня! — Я перезаряжаю пушку и осторожно крадусь вперед по узкому коридору с облупившимися стенами, то и дело с опаской заглядывая в дверные проемы по бокам. Перебежав через перекресток, я останавливаюсь.

— Я знаю эту карту, тут рельсы. Иду первым! — кричу я, переключаясь в режим разговора со всей командой.

В каком-то смысле многопользовательские онлайн-игры почти как жизнь, — мало на кого можно

¹ Дискорд (Discord) — бесплатный мессенджер, изначально ориентированный на пользователей игр.